

КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ БОРИСА ГРІНЧЕНКА

**DOCTRINA MULTIPLEX,
VERITAS UNA**

УЧЕНЬ БАГАТО, ІСТИНА ОДНА

Збірник праць до ювілею
Ізабелли Рафаїлівни БУНІЯТОВОЇ

Київ — 2018

УДК 81'2(08)

D 68

Рекомендовано до друку Вченою радою
Інституту філології
Київського університету імені Бориса Грінченка
(протокол № 7 від 27 лютого 2018 р.)

Відповідальний редактор:

Є. А. Карпіловська, доктор філологічних наук, професор
Інституту української мови НАН України.

Рецензенти:

В. М. Брицин, доктор філологічних наук, професор Інституту
мовознавства НАН України;

О. І. Чередниченко, доктор філологічних наук, професор
Національного університету імені Тараса Шевченка.

Doctrina multiplex, veritas una. Учень багато, істина одна : збір-
ник праць до ювілею Ізабелли Рафаїлівни Буніятової / Київський
ун-т ім. Б. Грінченка. — К. : Київ, ун-т ім. Б. Грінченка, 2018. — 440 с.
ISBN 978-617-658-058-4

Збірник статей присвячено ювілею доктора філологічних наук, професора
І. Р. Буніятової, провідного українського фахівця у сфері історичного вивчення гер-
манських мов, причин і наслідків еволюційних зрушень, що відбувалися в їхній іс-
торії.

Праці авторів збірника — відомих лінгвістів України, Росії, Білорусі, Вірменії,
учнів ювілярки — містять ідеї і роздуми, у той чи інший спосіб висвітлені у працях
ювілярки. Вони включають питання лінгвістичної теорії, а також методики дослі-
джень мовних явищ, які розглядаються з позицій семіотики, культурології, когнітив-
ної, генеративної та комунікативної парадигм. У вступному слові Є. А. Карпіловської
наведено біографічні дані І. Р. Буніятової.

Збірник розраховано на філологів, викладачів, аспірантів і студентів гуманітар-
них факультетів університетів.

УДК 81'2(08)

ЗМІСТ

Вступне слово. Є. А. Карпіловська. Ізабелла Рафаїлівна Буніятова. Життя в улюбленій праці	7
Андрейчук Н. І. Знак і знакова система у вимірі філософських категорій зв'язку та відношення	10
Буніятова І. Р. Языковая изменчивость: проблема интерпретации	28
Bilynskyi M. The historical thesauri in the deverbal word families of English	45
Воркачѳв С. Г. Лукавая страсть: тщеславие в религиозном дискурсе	68
Гладуш Н. Ф. Прагматичний аспект англомовного висловлення на позначення майбутньої дії адресата	77
Глуценко В. А., Орел А. С. Абсолютна й відносна хронологізація фонетичних явищ у студіях учених Харківської школи	89
Жаботинская С. А. Генеративизм, когнитивизм и Семантика лингвальных сетей.	99
Карпіловська Є. А. Реальний стан мови та проблеми його моделювання	142

ЯЗЫКОВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Буниятова И. Р.

Статья посвящена истокам современной исторической лингвистики. Рассматриваются фундаментальные вопросы языковой изменчивости и вариативности языковых единиц, разработанные выдающимся лингвистами XIX–XX вв. Цель исследования заключается в продвижении точки зрения, согласно которой источником современных достижений в лингвистике является сложный и одновременно плодотворный контекст прошлого, в рамках которого были разработаны основы диахронной лингвистики. Особое внимание уделено ключевым вопросам исторической лингвистики, а именно принципу аналогии и давлению системы, основным механизмам языковых изменений.

Ключевые слова: историческая лингвистика, языковая изменчивость, вариативность, принцип аналогии, давление системы.

МОВНА ЗМІНЮВАНІСТЬ: ПРОБЛЕМИ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

Буніятова І. Р.

Статтю присвячено витокам сучасної історичної лінгвістики. Розглядаються фундаментальні питання змінюваності мов та варіативності мовних одиниць, розроблені видатними лінгвістами XIX–XX ст. Мета дослідження полягає у просуванні точки зору, згідно з якою джерелом сучасних набутоків в лінгвістиці є складний і водночас плідний контекст минулого, у межах якого було розроблено підвалини діахронної лінгвістики. Особливу увагу приділено ключовим питанням історичної лінгвістики, а саме принципу аналогії і тиску системи, основним механізмам мовних змін.

Ключові слова: історична лінгвістика, мовна змінюваність, варіативність, принцип аналогії, тиск системи.

LANGUAGE CHANGE: PROBLEMS OF INTERPRETATION

Buniyatova I.

The article is largely about the background of to-date historical linguistics. It tackles the fundamental issues of language change and variability of linguistic units developed by the prominent researchers

of the XIX–XX centuries. The aim of the article is to encourage a view of to-date insights in linguistic science as emerging from and implicated in a complex and fruitful background, suggesting within its framework the basics of diachronic linguistic theory. Also, special emphasis is laid on the key issues of historical linguistics, specifically the analogy principle and structural pressure being the main mechanisms of language change.

Key words: historical linguistics, language change, variability, analogy principle, structural pressure.

Изменчивость является одним из сущностных свойств открытой динамической системы. Именно поэтому изучение языка как исторически развивающегося объекта и основных особенностей языковых изменений представляет важную часть исследования форм существования языка и тесно смыкается с описанием его характеристик [10, с. 197]. Опыт исследований в историческом языкознании свидетельствует о неизбежности изменений, обусловленных биологической природой языка. Они определяют его *modus vivendi*, который и позволяет ему функционировать как таковой [8, с. 156]. Как в свое время отметил Вяч. Вс. Иванов, язык представляет собой итог исторической сменяемости периодов его развития, результат преобразования во времени предшествующего ему языка [7, с. 129].

В лингвистической литературе языковую изменчивость принято определять как процесс непрерывного преобразования, неотделимого от самой природы языка, его способности к постоянному совершенствованию. Существует массивный корпус работ в области теоретической лингвистики, в которых центральное место занимает вопрос эволюционных сдвигов. Универсальность этого явления подтверждается материалом языков, принадлежащих к разным структурным типам [2; 6; 7; 8; 9; 15; 18; 21; 22; 23; 24; 25; 27 et al.]. История изучения данного явления, как известно, не ограничивается последними двумя столетиями, однако именно на этом этапе разработки линг-

вистического знания научное сообщество приблизилось к постановке и выполнению задач, эмпирическую базу которых подготовили исследователи прошлого.

Интерес к обсуждаемой проблеме впервые возникает у компаративистов, объявивших приоритет эмпирического материала и тем самым положивших начало оформлению лингвистики в отдельную научную дисциплину. Заслуга Ф. Боппа, отмечал Соссюр, не в том, что он открыл родство санскрита с некоторыми языками Европы и Азии, а в том, что он понял возможность построения самостоятельной науки, предметом которой являются отношения родственных языков между собой [16, с. 40]. Ранее об исключительной роли Ф. Боппа в становлении сравнительно-исторического языкознания высказался Гумбольдт. В переписке гениальных ученых, продолжавшейся шестнадцать лет (1819–1835 гг.), отчетливо звучит не только взаимное уважение к творчеству друг друга, но и искреннее восхищение старшего коллеги. В своем письме от 21 февраля 1834 г. Гумбольдт писал «... данная рецензия (на работу Потта. — *И. Б.*), как и все, Вами написанные, представляет собою подлинное обогащение науки, по-настоящему возникшей благодаря Вашей деятельности. <...> К тому же, помимо стройной теории, в Ваших трудах заложены сокровища отдельных наблюдений над словами и формами; и было бы в высшей степени желательно собрать их <все вместе> в алфавитном порядке» [13, с. 168].

Материал, собранный в грамматиках компаративистов XIX в., позволил, как мы знаем, установить различия между языками, возникшие в силу центробежной направленности развития, и связать их в определенные группы в общей семье. Распознавание и подтверждение родства языков, равно как и установление их типов, утверждал Гумбольдт, возможно лишь на основе точного и глубокого анализа грамматических форм как наиболее надежного и достоверного метода. В слу-

чае, например, флектирующих и агглютинирующих языков следует говорить не о возрасте языков, а об историческом различии, возникшем в результате изменений, которые претерпел язык [там же, с. 22].

Несмотря на некоторую несогласованность во взглядах относительно путей развития языков, романтики и материалисты этого периода отмечали подвижность языковых организмов и необходимость их изучения. Природу языка они определяли, с одной стороны, в терминах твердости и удивительной гибкости, с другой, – вечной изменчивости. Однообразие языка претило их пониманию его реальности, так как для всего вновь вырастающего и возникающего нужен простор, которого не требуется только при спокойном существовании [6, с. 67–68]. В философской антропологии Гумбольдта языковая изменчивость представлена органическим следствием движения мысли, реализуемой в языке, как непрерывная деятельность духа, стремящаяся превратить звук в выражение мысли. Даже его фиксация посредством письма — далеко не застывшее состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*) [6, с. 90–91].

В XIX в. был не только собран богатейший материал, но и разработан метод, который приобретал все более строгие контуры по мере открытия новых фактов. Испытанный на индоевропейских языках, он становится образцом для исследования других языковых семей, и, более того, транслируется на иные области гуманитарного знания. Отсутствие исторического подхода к сравнениям у первой генерации компаративистов, о чем писал Соссюр, было восполнено в работах представителей младограмматизма. Они обратились к живым языкам и, освободившись от тирании задач, связанных с реконструкцией индоевропейского языка-основы, разработали новое учение. В соответствии с ним язык рассматривается

как результат психофизической деятельности человека, а отсюда подлинной причиной всех изменений в языке является не что иное, как обычная речевая деятельность, неотъемлемая от осуществляющего ее индивида [12, с. 53].

Младограмматики внесли существенный вклад в науку о языке. В настоящее время одним из важнейших положений исторической лингвистики является требование строго учитывать методологические принципы, приоритет в разработке которых принадлежит этому направлению в лингвистике. Речь идет, прежде всего, о звуковых законах, используемых для изучения генетически связанных между собой языковых групп, **а также о принципе аналогии**, как наиболее результативном механизме изменений в этих группах. Однако, несмотря на высокую степень вероятности вовлеченности данного принципа в исторические процессы, прежде всего в лексике или морфологии наиболее изученных языков, а также популярность его объяснительной силы в современной лингвистике, существуют сомнения относительно возможности его применения в отдельных случаях языковой практики. Об этом, например, написал в своей работе Д. Н. Шмелев. На его взгляд, нецелесообразно было приписывать действие данного принципа «выравниванию» парадигм или образованию слов при помощи продуктивных суффиксов. Ведь для того, «чтобы окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* распространились в русском языке на существительные муж. и ср. рода, не было никакой нужды аналогии с соответствующими формами существительных ср. рода» [19, с. 143].

Продолжая тему Лейпцигской школы, отметим, что современные открытия в области фонологии внесли существенные поправки, принимающие во внимание характер воспроизведения звуков, их восприятие и воздействие на общую фонологическую систему изучаемых языков. Как пишет П. Сойрен, представителям этой школы недоставало понима-

ния системно-структурного устройства языка, которое появилось в лингвистике с приходом структуралистов, а также многих других знаний, объективно в то время отсутствующих [26, с. 103].

В истории языкознания оценка по-настоящему ярких достижений представителей этого направления сопровождается перечислением ошибок, включающих преимущественное внимание к звуковому строю языка в ущерб морфологическому и синтаксическому, невозможность объяснить причины звуковых изменений и др. Среди прочих ошибок также называют асистемность, атомизм и даже «ползучий эмпиризм». Д. Лайфут, например, известный в исторической англистике своей концепцией радикальной реграмматизации, отмечает детерминизм и механистичность в качестве составляющих учения младограмматизма [25, с. 17–18]. Анализируя их взгляды в широком культурном контексте XIX в., он указывает на главную причину неспособности младограмматиков вскрыть причины звуковых изменений — их понимание языка всего лишь как инвентаря слов и звуков, эволюционирующих в определенные исторические периоды. Фокусируя, таким образом, внимание на продуктах речевой деятельности индивида, они оставляли вне поля зрения изменения в грамматике, которые и порождают эти самые продукты.

С другой стороны, именно младограмматики первыми заговорили о том, что все языковые преобразования должны иметь причину, и предложили механизм, без учета которого не обходится ни одно объяснение постепенных или скачкообразных сдвигов в современной исторической лингвистике. Заметим также, что некоторые из вменяемых младограмматикам упущений обнаруживаются и в багаже иных парадигм, например в дескриптивной лингвистике. В формальной структуре языка Л. Блумфильда и его последователей интересовала преимуще-

ственно ее звуковая сторона, меньше — морфологическая, а вопросы синтаксической теории вообще не получили развития в работах этого направления.

Проблема эволюции конституирующих элементов языка является предметом давних дискуссий, прерванных на исторически небольшой отрезок времени из-за господства панхронической точки зрения, когда фонетические изменения могли рассматриваться как явление вообще, как одно из постоянных свойств языка (то есть абстрактного языка. — И. Б.) [16, с. 128]. В действительности такой подход к изучению языка в 30-е — начале 60-х гг. XX в. сложился не без влияния структуралистов, которые за исходную точку брали статический язык, оторванный от речи, и изучаемый как *нечто готовое*, как продукт (Копенгагенская школа).

Иную позицию, восходящую к идеям Гумбольдта, занимал Э. Косериу. Он писал, если язык не переходит в категорию мертвых, то пребывает в постоянном движении [8, с. 156]. Согласно его концепции, язык следует понимать сначала как функцию, а потом как систему. Поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели, то становится очевидным, что он не может функционировать, не изменяясь, подобно коду. Живой язык, писал Э. Косериу, постоянно определяемый (а не определенный раз и навсегда) посредством своей функции, не является созданным, а непрерывно создается конкретной языковой деятельностью [там же].

Таким образом, существование самого языка предполагает его непрерывную деятельность, которая сопровождается постоянной изменчивостью. Пренебрежение этим принципом и отсутствие общего интереса к диахроническим студиям привело к определенному застою в разработке новых методов анализа исторических текстов и создания грамматик. В отли-

чие от исследований, выполняемых в синхронии, эта область лингвистического знания долгое время продолжала оставаться описательной или, по выражению В. Н. Ярцевой, «цитаделью младограмматизма» [20, с. 108]. Действительно, в наиболее разработанных германских студиях объяснение изменений в определенные исторические периоды языка все еще не обрело строгих формальных контуров¹. Лингвисты продолжали работать в сфере чистого языка, игнорируя взаимосвязь языковых и социальных изменений. Причины первых они искали главным образом не в экстра-, а в интралингвистических факторах. А это означало, что функционирование и движение системы являлось следствием строения самой системы.

Дальнейшее углубление этого принципа отразилось в интерпретации взаимодействия разных уровней языковой структуры и преобразований на каждом из них как результата работы самой системы. Как известно, накапливающиеся сдвиги не охватывали одновременно все структурные уровни, а у некоторых, например грамматического, как наиболее консервативного и закрытого, этот процесс протекал медленнее и становился завершающей фазой становления литературного стандарта. В истории разных языков засвидетельствованы периоды скачкообразных изменений, сопровождаемые резким увеличением вариативности языковых единиц на разных участках системы [5, с. 6–10]. Впоследствии выравнивание омонимичных вариантов (например, в грамматических парадигмах) происходит благодаря действию различных механизмов, среди которых часто называют *эффект давления системы* (англ. *structural pressure*) Впервые термин и понятие «давление языковой системы» появляется в разработках Лейпцигской школы младограмматиков, которые и ввели его в научный обиход. Э. А. Макаев писал, что в учении этой школы данный термин по своему содержанию совпадает с принципами действия грамматической аналогии, прежде всего потому, что отсут-

ствовало содержательное определение самой системы. Со временем он занимает важное место в учении структуралистов, которые, однако, не внесли существенного вклада в разработку этого принципа [11, с. 47].

Давление системы является одним из часто используемых терминов в лингвистике нового времени. Во многих случаях его интерпретируют расширительно, без объяснения специфики действия этого механизма. Тем не менее, при разных подходах большинство исследователей объединяет понимание связи между вариативностью языковых единиц и степенью его реализации. В частности, новозеландский исследователь Т. Кролей полагает, что о давлении системы следует говорить в случаях нестабильного состояния языка или при наличии в нем определенной лакуны, заполнение которой порождает изменение, восстанавливающее устойчивость этой системы [22, с. 205].

Вопросы, связанные с давлением системы и принципом аналогии, имеют непосредственное отношение к теме нашей статьи не только как силы, непосредственно участвующие в движении языковых систем, но и как силы, способствующие сохранению их устойчивости в периоды резкого роста вариативности конституирующих единиц. В данном случае речь идет о сосуществовании параллельных, семантически тождественных форм (включая как наличные средства языка, так и инновации) в определенные исторические периоды развития языка и последующем закреплении в нем ограниченного числа вариантов из множества конкурирующих. Такая языковая ситуация сложилась, в частности, на одном из этапов развития английского языка. В среднеанглийский период (1150–1400), который принято называть диалектным *par excellence*, местные особенности употребления были закреплены в письменности, что, по существу, является уникальной лингвистической практикой. Резко обозначившееся противостояние севера

и юга страны, осложненное иноязычным влиянием, отразилось на всех уровнях языковой системы, включая грамматический [3]. В контексте нашего изложения, показательными являются изменения в парадигме локативных предложных конструкций перемещения субъекта/объекта в пространстве, зафиксированные в памятниках XII–XIV вв.² Для большей убедительности наших наблюдений приведем также данные из древнеанглийского языка (табл. 1).

Таблица 1

ПРЕДЛОЖНЫЕ ЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ VII–XIV ст.		
Древнеанглийское койне	Диалекты среднеанглийского языка	
	Северный и Восточно- центральный	Южный и Западно- центральный
on NACC/DAT	intil N \varnothing / N DAT	into N DAT / N \varnothing
to N DAT	till N \varnothing / N DAT	to N DAT / N \varnothing
into N DAT	into N \varnothing / N DAT	in NACC / N \varnothing
in NACC	to N \varnothing / N DAT	inne N DAT / N \varnothing
æt N DAT	in N \varnothing / NACC	-
innan/binnan NACC	unto N \varnothing / N DAT	-
	until N \varnothing / N DAT	-
	on N \varnothing / NACC	-
	at N \varnothing / N DAT	-

Вариативность локативных конструкций данного типа, их избыточность в северных памятниках среднеанглийского языка отражает работу не только внутрисистемных факторов, а именно редукцию безударного вокализма и, как следствие, постепенное нивелирование падежных флексий, но и, в значительной степени, влияние скандинавского языка на синтаксис английского, о чем редко пишут в литературе³. В процессе выравнивания территориальных стандартов с ориентацией на язык Лондона «лишними» становятся образованные по аналогии инновации, дублирующие наличные средства языка, на-

пример, *intil* N0 / NDAT, *unto* N0 / NDAT, *until* N0 / N DAT, *till* N0 / N DAT. Ассимиляция заимствованных моделей осуществляется в соответствии с внутренними законами развития грамматической подсистемы. Об этом свидетельствует уже то, что на первом синхронном срезе среднеанглийского языка (1150–1250 гг.) предлог *till* управляет дательным, а не родительным падежом, как в древнесеверном [3, с. 143–144]. Объединение локативных конструкций северного и южного языковых ареалов на основе общего знаменателя происходит в конце среднеанглийского периода. В результате конкуренции исконно английских и древнесеверных форм утверждаются первые, а единственным реликтом англо-скандинавского взаимодействия остается предлог *unto*. Южные диалекты, как мы видим, не отражают сколько-нибудь заметного французского участия в образовании рассмотренных выше моделей. Отметим также, что заимствованные предлоги *until*, *till* не исчезают; в дальнейшем они закрепляются в узусе, оформляя темпоральные предложные конструкции. Последнее, на наш взгляд, могло бы послужить предметом отдельного исследования.

Объяснение вышеописанных явлений представляется возможным по принципу от противного. Это означает, что элиминирование заимствований и окончательное закрепление предлогов *to*, *into* (на периферии *in*, *at*, *unto*) в локативных конструкциях перемещения субъекта/объекта в пространстве следует рассматривать в соответствии с двумя возможными сценариями: как результат давления системы или как результат грамматической аналогии. К сожалению, в современной лингвистике мало работ, где механизмы языковых изменений занимали бы центральное место и освещались с учетом наработок формальных грамматик. В исторических студиях также не всегда надлежащим образом представлены дефиниции рассматриваемых понятий, отсутствуют попытки установить какое-либо различие между ними.

В методологически ценной, не потерявшей и ныне своей актуальности работе Э. А. Макаева «Понятие давления системы и иерархия языковых единиц» (1962) предложена формула решения данной проблемы в отношении единиц фонологического уровня, включающая определенные ограничения [11, с. 51]. Представляющее для нас интерес разграничение этих механизмов в синтаксисе непосредственно связано с его концепцией *давления системы как одной из форм ее актуализации*. Тем самым давление системы оказывается в прямой зависимости от набора структурных особенностей единиц языка, от степени вариативности данных единиц, от архитектоники каждого уровня. Исходя из этого, устанавливается обратно пропорциональная зависимость между сложностью архитектоники структурного уровня языка, высокой вариативностью его конституирующих единиц и энергией давления системы. Она оказывается тем сильнее, чем проще единица данного уровня и чем меньше ее вариативность; <...> «давление системы ослабевает там, где возрастает сложность языковой единицы, ее вариативность, где представлено большее количество частных, перекрещивающихся систем» [11, с. 49].

Из выше сказанного следует, что давление системы убывает по направлению от низших уровней к высшим. Таким образом, обнаружить его эффект на синтаксическом уровне представляется крайне затруднительным, равно как и объяснить результат изменений в английских предложных конструкциях XII–XIV вв. Более того, стремление к подравнению многообразных и гетерогенных парадигматических рядов является наиболее типичным отличительным признаком грамматической аналогии, которая в системе никогда полностью не реализуется [11, с. 50].

Тем не менее, представленные в *Таблице 1* явления позволяют внести некоторые поправки в концепцию Э. А. Макаева.

Особенность среднеанглийского языка, как отмечалось выше, состоит в исключительной интенсивности происходивших в нем изменений. Всплеск речевой активности, обусловленный специфической языковой ситуацией, в это время можно сравнить с тектоническими сдвигами, которые периодически происходят в природе. Резкое увеличение вариантов, функционально тождественных единиц, на каждом языковом уровне свидетельствует о том, что система находилась в неравновесном состоянии, а следовательно — в движении. Введение новых структурных единиц, способных размножаться и привлекать к взаимодействию различные процессы, вызывает ответную реакцию системы [14, с. 251]. В такие периоды истории языков (не только английского) можно было бы ожидать реализацию той функции системы, о которой писал Э. А. Макаев, на всех ее уровнях, в том числе на синтаксическом.

Сравним также историю формирования английского инфинитива. В этот отрезок времени исконно английский маркер инфинитива *to* постепенно грамматикализуется, частично сохраняя признаки предлога. Параллельные варианты, в основном предлоги, втягиваются в парадигму маркеров инфинитива в результате активизации интралингвистических (процессы аналогии) и интерлингвистических (контакты с другими языками) ресурсов. В литературных источниках ранненовоанглийского периода они продолжают маркировать инфинитив, но в дальнейшем избыточные варианты исчезают и *to* становится почти единственным (кроме *for to*) показателем этой неличной формы глагола. Ср. у Ф. Т. Виссера [28, с. 1031–1035]:

1400 г. Mandeville 48.6 After for to speke; 13.. г. Curs. 9326 at to vnderstand;

1300 г. King Horn 1135 for fissen; 1590–6 г. Spenser F. Q. II, 8, 28 from to wreak my wrong; 1382 г. Wyclif Lev 18, 18 into liggin bi hir; 1557 г. North, tr. Gueuara Diall Pr. 231 In steade to healpe him to dye; 1340 г. Ayenbite, 93 to serui and to louie; 1390 г. Gower

(Morley) III, p.171 *upon such wrong to winne*; 1200 г. Vices & V. 112 *burh fasten ... sum herborgin wrecce men*; 1200 г. Orm. 16998 *till To wissen himm & lærennn*; 1360 г. Cloud of Unknowing (EETS) *to for to knowe the vertewe*; 13.. г. Curs. 22398 *wit driten and soru beten*; 1556 г. J. de Flores' Aurelio & Isab. F6 *Without to see it*.

Отдельные предлоги продолжают оформлять инфинитив в ранненовоанглийском языке (XV–XVI ст.), частично сохраняясь в диалектах. Например, модели from INF, in, into INF зафиксированы в литературных произведениях XIX в., а instead of INF — в XX в. Как показывает материал, основной и маргинальные маркеры инфинитива принадлежат к единицам исконно английского словарного состава. Таким образом, в данном случае и во многих других, засвидетельствованных в памятниках XII–XIV вв., подтверждается тезис о прямой, а не обратной пропорциональной зависимости между уровнем вариативности синтаксических единиц и жесткости оказываемого на него давления [1, с. 40]. Кроме того, в условиях обособленности диалектов, «не скованных литературной нормой, неравномерности развития отдельных уровней системы языка и неравномерности развития разных элементов отдельного уровня» [17, с. 36], реализация той функции системы, о которой писал Э. А. Макаев, представляется крайне важным условием сохранения ее относительного равновесия.

В заключение можно указать на то, что изменчивость является необходимым условием функционирования живых природных языков, она — одна из универсалий, без учета которой невозможно ни одно исследование, как в синхронии, так и в диахронии. Основные положения о языке как самодвижущейся системе, о механизмах ее развития были разработаны лингвистами XIX–XX вв. Отдавая дань наследию всех поколений компаративистов, заметим, что первые шаги по формализации поисковых процедур были сделаны в разработанном ими сравнительно-историческом методе, звуковых зако-

нах и других не менее важных положениях. Принцип аналогии и давление системы представителей Лейпцигской школы младограмматизма, применяемые для объяснения языковых процессов, остаются наиболее доказательными причинами языковой изменчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С учетом существующих разночтений термина «изменение», имеет смысл определиться с его рабочими дефинициями, которые позволили бы представить результаты наших многолетних наблюдений над текстами памятников, принадлежащих к разным периодам истории германских языков. Наиболее приемлемым представляется определение *языкового изменения* в двух его измерениях, а именно, как изменение состояния и как замещение того, что уже существовало в языке [см.: 4, с. 57–65].
- ² В работе 1989 г. эта парадигма конструкций носит название направительной, то есть такой, что противостоит собственно локативной, экзистенциальной.
- ³ В V–XV вв. на Фарерских островах и в Скандинавии, откуда викинги совершали набеги в Британию, разговорным и письменным языком был преимущественно древнесеверный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульманова А. Х. Давление системы как фактор становления нормы в среднеанглийском языке / Абдульманова А. Х. // Вестник СПб ун-та. — Серия 9. — 2008. — Вып. 4. Ч. 1. — С. 40–44.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 1974. — 447 с.
3. Буниятова И. Р. Локативные и направительные синтаксемы в среднеанглийском языке : автореф. ... дисс. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / И. Р. Буниятова. — К, 1989. — 19 с.
4. Буниятова І. Р. Типологія мовних змін в історичній перспективі / Буніятова І. Р. // Вісник КНЛУ. Серія : Філологія. — Т. 12. — № 1, 2009. — С. 57–65.

5. Буниятова І. Р. Причини зрушень у складних відкритих системах: з досвіду історичного дослідження мов / І. Р. Буніятова // *Studia Philologica*. — Вип. 1, 2012. — С. 5–12.
6. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. — Изд. 3, доп. — М. : Просвещение, 1964. — 466 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. — М. : ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2004. — 208 с.
8. Косериу Э. Синхрония. Диахрония. История / Косериу Э., под ред. В. А. Звегинцева, пер. с исп. И. А. Мельчука // *Новое в лингвистике*. — Вып 3. — М. : Изд-во иностр. лит., 1963. — С. 143–343.
9. Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции. Акцентология. Морфология. Синтаксис / К. Г. Красухин. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 456 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык как исторически развивающееся явление / Е. С. Кубрякова // *Общее языкознание. Формы существования. Функции. История языка*. — М. : Наука, 1970. — С. 197–313.
11. Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц / Э. А. Макаев // *Вопросы языкознания*, 1962. — С. 47–52.
12. Переписка Франца Боппа и Вильгельма фон Гумбольдта / общ. ред. и предисл. В. А. Кочергиной ; пер. с нем. и примеч. А. В. Блинова. — М. : URSS, 2009. — 184 с.
13. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М. : Прогресс, 1986. — 431 с.
14. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — Изд 5-е, исправ. — М. : Аспект Пресс, 2010. — 536 с.
15. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию; пер. с франц. А. М. Сухотина; под ред. А. А. Холодовича. — М. : Прогресс, 1977. — С. 9–285.
16. Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры / Н. И. Толстой // *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. — М. : Языки славянской культуры, 2013. — С. 32–50.
17. Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков / А. В. Циммерлинг. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 895 с.
18. Шмелев Д. Н. Введение к книге «Способы номинации в современном русском языке» / Д. Н. Шмелев // *Избранные труды по русскому языку*. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — С. 132–178.
19. Ярцева В. Н. Проблемы исторической грамматики: соотношение синхронии и диахронии / В. Н. Ярцева // *НДВШ. Филологические науки*. — 1997. — № 6. — С. 107–115.

20. Adamska-Salaciak A. Language Change in the Works of Kruszewski, Baudouin de Courtenay and Rozwadowski. — Poznan : MOTIVEX, 1996. — 175 p.
21. Crowley T. An Introduction to Historical Linguistics. — 3 ed. — Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. — 342 p.
22. Keller R. On Language Change. The Invisible Hand in Language. L.-NY : Routledge. — 1995. — 182 p.
23. Lass R. Historical Linguistics and Language Change. — Cambridge : Univ. Press, 1997. — 340 p.
24. Lightfoot D. The Development of Language. Acquisition, Change, and Evolution. — Oxford : Blackwell Publishers. — 1999. — 289 p.
25. Seuren P. Western Linguistics. An Historical Introduction. — Oxford : Blackwell Publishers, 1998. — 570 p.
26. Trask R. L. Historical Linguistics. L., etc.: Arnold, 1996. — 430 p.
27. Visser F. Th. A Historical Syntax of the English Language / F. Th. Visser. — Leiden : E.J. Brill, 1963–1973. — Vol. 1–3.